ЗА МЕЧТАТЕЛЕМ ВСЕГДА КТО-ТО СТОИТ

16+

М. Лиепкайс

Максим Сергеевич Лиепкайс

За мечтателем всегда кто-то стоит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63668741
SelfPub; 2023

Аннотация

Паша и Лиля Евпольские живут в полнейшей нищете, в обычном русском городе. Работает и приносит деньги в дом только Лиля. Паша в это время занимается написанием картин. Он мечтает нарисовать что-то стоящее и переехать в город своей мечты, в Питер, а Лиля его всячески поддерживает. Всё, что у них есть – это любовь и вера друг в друга. Но однажды Лилю увольняют с работы, они начинают ссориться, в их жизнь возвращается бывший парень Лили, а у Паши начинается творческий кризис. Смогут ли они преодолеть череду неудач? Нарисует ли Паша картину своей жизни? Сохранят ли они свою крепкую любовь? И сбудется ли мечта Евпольского о переезде в Петербург?

Максим Лиепкайс
За мечтателем всегда кто-то стоит

1

Она называла его солнышком, потому что он всегда вставал вместе с солнцем. В 9 часов зимой и ближе к 4 часам ранним летом. Он вставал, чтобы отлить после нескольких выпитых бутылок вина, а она шла принять тёплую ванную перед работой. Но это было летом, зимой всё происходило совершенно иначе. В декабре он не изменял своим привычкам, будя её и она всю оставшуюся ночь пялилась в осыпающийся потолок, думая о детстве, юношестве и о будущем. Лишь будущее вдохновляло её.

Наша речь пойдёт о зиме. Вся история будет происходить исключительно зимой. Представьте: зима, на календаре декабрь глядит в горизонт надвигающемуся, как огромному величественному крейсеру, январю, бури свистят за окном, а в комнате стоит материальный холод, заставляющий укрываться двумя тёплыми одеялами вместо одного единственного.

Паша Евпольский вновь, следуя своим ночным традициям, открывает карие глаза и поджимает ноги от давящей на

мозг мочи. Неторопливо он смотрит по сторонам. Слева лежит Лиля, свернувшаяся калачиком, справа от него стена с порванными обоями. Раньше на обоях был нарисован красивый рисунок букета лилий, символизирующийся с его девушкой. Теперь только половина букета, означающего полный хаос.

Он встаёт, скрипя кроватью. Надевает узкие не под его ноги тапочки и топает в сортир, позёвывая и почёсывая голову по дороге. В этот момент, то ли от мощи его шагов, то ли от громкого звука сливного бачка, просыпается Лиля Громова, в перспективе, конечно же, тоже Евпольская. Она морщится, зевает, сильно трёт глаза и нос. Смотрит на электронные часы, которые в свою очередь смотрят на неё и утвердительно, практически, злобно показывают ей 09:14.

Лиля понимает, что ещё пару минут и ей тоже нужно будет встать на работу. Уже в 11:00 ей нужно быть в офисе. Она ненавидит зиму, ведь знает, что когда она просыпается из-за Паши зимой, ей непременно нужно маршировать в офис в ближайшее время, не то что летом! Летом она ещё может валяться хоть 5-6 часов в постели, осматривая каждую дырочку, каждую паутинку и каждое коричневое пятнышко на потолке. Это её расстраивает.

Евпольский возвращается в спальню. На нём серая футболка и трусы в клеточку, короткие и плотные. Они сжимают его достоинство и более того, немного давят на живот.

–Как ты спала? – Спрашивает он, как будто бы всё ещё

находиться во сне, на кисельных островах.

–Хорошо, – отвечает она. – А ты как спал?

–Я всё ещё сплю!

В этот момент Паша прыгает на кровать, будто на батут и засыпает, забирая себе два одеяла. У него была сложная ночь. Всю ночь он провёл за холстом, наедине с кисточками и красками, наедине с самим собой, сигаретой и бутылкой вина. Многим кажется, что работа художника, писателя или музыканта – это легче простого, легче, чем сварить пельмени или помыться в ванной, но это в корне не верно.

Даже самый плохой, объективно ничтожный художник, переживает столько негативных эмоций, связанных с разбитием амбиций и надежд, столько негатива и столько историй он пропускает через свою душу и разум, что банально может сойти сума. Поэтому, говоря о художниках, даже об очень ничтожных живописцах, не ставьте их в ряд тунеядцев, ведь даже Бродский был «тунеядцем»!

Пока Паша пускает слюни на подушку и отрыгивает остатки красного вина из своего желудка, Лиля, тянущая руки к потолку, как к солнцу, надевает белый халат и тапочки, после чего идёт умываться и принимать душ. Умывается она быстро, пару раз поводила щёткой по зубам, облила лицо ледяной водой и готово! Другие дела обстоят в душе. Когда ей не нужно на работу, она релаксирует по 2-3 часа. Если же ей нужно на работу, она просто споласкивается и моет голову.

Постепенно светлеет. Она одевается, посматривая на спя-

щего Пашу. «Какой сон он видит?» – Спрашивает Лиля себя, смотря на его худые щёки, пухлые губы, узкий лоб и длинные волосы. Паша высовывает ногу из-под одеяла. На левой ноге виднеется большая жирная родинка, как чёрная клякса. Он всегда её стеснялся, но Лиля научила его быть менее стеснительным.

А что касается сна, наверняка он видит мир, в котором его картины продаются, он популярен, Лиля не работает, проводя всё свободное время с ним, а его родинка-клякса навсегда исчезает с его ноги, подобно Мстителям, после щелчка Таноса.

Гардероб у Лили небольшой, но она всегда долго думает над тем, чтобы надеть. Одежду она обычно комбинирует между собой, чтобы не повторяться. Сегодня на ней облегающие чёрные штаны, белая кофта на пуговицах и тёмные «челси». Сверху она ещё наденет тёплую пуховую куртку и синюю шапку с помпоном. В таком виде ей приятно идти на работу.

По своей личной традиции Лилия смотрит на свой портрет, нарисованный и подаренный ей Евпольским на годовщину их знакомства. Картина нарисована в пёстрых цветастых тонах, масляными красками. Паша всегда говорил, что это картина далась ему нелегко. Многократно он её перерисовывал, обдумывал, а затем стеснялся её подарить. Но подарив, очевидно не прогадал. Лиля до сих пор в восторге от этого портрета.

Он аккурат висит над кроватью. Холст среднего размера, в буквальном смысле затмевает весь хаос, царящий в комнате. Он, как явление настоящего романтического искусства, придаёт этой комнате запаха, стиля, натуральной жизни и чистой прекрасной красоты.

Лиля смотрит на портрет и всегда светится от счастья. Она вспоминает тот день, день, когда Евпольский сделал ей подарок, и улыбается, по – настоящему сияет от того воспоминания. Погода, запахи, цвета, сам Паша. Всё являлось прекрасным в тот день.

Перед выходом она смотрит на него, выпивает один стакан воды и выключает тусклый свет в прихожей. Старается не хлопать железной дверью, но она всё равно хлопает. Будит ли она его!? Скорее всего, нет!

Лиля выходит на улицу и всеми лёгкими вдыхает морозный воздух. Щиплет нос, ветер дует в лицо. Под ногами хрустит лёд, а маленькие снежинки, падая с неба, как перхоть с головы, постепенно тают на её личике. В общем, до автобусной остановки идти ей не очень приятно, но она идёт, превозмогая такое чувство, как «а не пошло бы всё нахрен!» Это очень хорошее качество, которое Лиля приобрела ещё в школе.

На работе как всегда хаос. Сотни пальцев стучат по клавиатурам, во всём офисе гремят звонки, начальник Идеадулин в агонии бегает из стороны в сторону, что-то крича подчинённым. Она садится за свой стол, надевает наушники и

приступает к обзвону клиентов.

–Как вы оцениваете качество, оказываемых нами услуг?

–Что? – Раздаётся голос сонного мужчины.

–Как вы оцениваете качество, оказываемых нами услуг? – Переспрашивает Лиля.

–Никак.

–А можно точнее.

–Пошла в жопу!

Конец телефонного разговора.

–Вчера к вам приходил курьер.

–Верно, – отвечает старушка.

–Всё прошло хорошо, он не грубил?

–Нет, не грубил, всё прошло хорошо. А кто ко мне приходил?

–Курьер! – Восклицает Лиля.

–Курьер не приходил.

–Но…

Конец телефонного разговора.

Сегодня её вызвал Идеадулин. В это время Паша всё ещё спал. На часах было около 13:00. Обычно он просыпался ближе к 4 часам вечера, «завтракал» и приступал к работе.

–Вызывали? – Спросила она.

–Вызывал. – Ответил Идеадулин, лысеющий мужчина средних лет. Из недостатков Петра Владимировича можно было составить список рекомендаций для повышения его человеческих качеств.

«Список»:

Занятие спортом;

Прочтение книг. Желательно, как художественных, так и научных;

Запись к психологу;

Запись в кружок анонимных алкоголиков;

Подписка на сообщество «ищу тебя», «ищу жену», «одинокие и несчастные».

–Что-то случилось? – Лиля села на стул напротив начальника. Она была малость испугана. Идеадулин ещё никогда не вызывал её к себе.

–Кое-что случилось! – Воскликнул он.

Пётр Владимирович достал гранёный стакан и хлестнул себе воды из графина. На самом деле это была водка. «Мороша» или «Беленькая». Других он не пил. Из принципа!

–Лиличка, Лиля, – начал он. – У нас большие проблемы. Я бы даже сказал грандиозные.

–Хм…Грандиозные проблемы?

–Именно! – Он выпил. Скрытно занюхнул манжетам пиджака, когда подносил его к лицу, чтобы якобы почесать нос.

–Говорите, Пётр Владимирович. – У Лили застучалось сердце, кровь приплыла к вискам.

–Ты только не волнуйся.

–Я не волнуюсь. – Её попа заёрзала на деревянном стуле.

–Нас закрывают…, – он вновь хлестнул себе воды.

–В каком смысле закрывают?

–В прямом, Лиля, смысле и даже не в косвенном. Хотя, что из этого лучше?

Она вернулась за своё рабочее место и, чтобы сдержать слёзы, зажмурила глаза и сжала накрашенные губы. Она всегда так делала, когда не хотела плакать. В этот раз у неё снова не получилось. Слёзы – Лиля (1426:0). Разгромное поражение в неравной битве.

Эти слёзы были оправданными. Её работа – это всё, что было у их семьи. Без этих жалких 15 тысяч, они умрут от голода, их выгонят на улицу, они, чёрт возьми, больше не смогут существовать. Её работа – это их последний шанс. И даже этот шанс…маленький и почти невзрачный шанс у неё отнимают!

Мама всегда учила её верить в Бога. Она слушала её учения и таким образом купила себе крестик и библию. Крестик затерялся где-то за кроватью, скорешившись с пылью, резинками для волос и крошками от еды. Библию она закончила на «Исходе». И кто прав в данной ситуации? Возможно, её наказал Бог. Возможно, Бог просто сволочь. Такая же сволочь, как и все другие сволочи, встречающиеся ей в жизни.

Но если Лиля пребывала в шатком отношение касательно всевышнего, то Павел был категоричен. Он не был силён в категориях. Атеизм, антиклерикализм, агностицизм, чёрт возьми, кальвинизм. Он просто в него не верил, без каких-либо приставок и суффиксов. Его искренне раздражали картины Микеланджело, Караваджо и Мурильо. Он шутил над

Христом, когда наливал в свой бокал вино и шутил над Лилей, когда она ползала по полу в поисках крестика.

На удивление – Бог его не наказывал.

Лиля шла домой с работы и смотрела на вечернее небо. Красивые звёзды, гирлянды на окнах, светящийся белый снег и приятный морозец. Ещё вчера она бы закричала, как маленькая девочка, смотрящая «тик-ток», увидав всё это. Но сегодня был не тот день. Сегодня был день с траурным окрасом.

Лиля села на замёрзшие качели и, отталкиваясь от земли ногами, начала сильно раскачиваться, подлетая высоко-высоко. Её глаза смотрели на старый панельный дом. Здесь когда-то давно жил её подростковый возлюбленный Миша Букеров. Тогда он был амбициозным мечтающим студентом, обучающемся в медицинском институте. А теперь он владеет книжной лавкой букинистики.

Лиля смотрела на старый панельный дом и, вспоминая прошлое, чуть не заплакала. Снова.

Она зашла в дом и не раздевшись, кинулась в ванную комнату, чтобы умыться. Глаза её были красными, брови нахмуренными, а лобик расстроенным. Папа всегда говорил ей, что из неё могла бы выйти классная актриса. Сейчас она хотела это проверить. Не то чтобы Лиля желала обманывать Пашу, просто хотела рассказать эту новость чуть-чуть попозже. «А как же завтрашняя работа?» – Проговорила она про себя, пока вытирала лицо бордовым полотенцем.

«Завтра у меня выходной!»

Евпольский работал в соседней от спальни комнате. Она приоткрыла деревянную дверь и первым делом увидела липки от краски, вальяжно лежащие на газете, бокал с красным вином и дымящуюся пепельницу. Лишь затем под обзор её голубых глаз попал сам Павел, машущий кисточкой возле холста.

–Что рисуешь? – Спросила она, шмыгая носом.

–Посмотри! – Он отошёл в сторону.

На холсте был нарисован человеческий скелет, смотрящий вдаль с грустными глазами. В руках он держал одну розу, над его головой был мрак, под его ногами был мрак и по всем сторонам тоже был мрак. Мрачный фон, мрачные объекты и светлый грустный скелет, единственный элемент, придававший картине яркости.

Паша любил рисовать подобное. Пожалуй, после того, как он подарил Лиле портрет, он не писал ничего похожего. Одни скелеты, одна философия, сплошной мрак и темнота. Конечно же, темноту он дополнял цветами, солнцем или прочими пёстрыми объектами. Но это не делало картину более оптимистичной.

Он называл это стилем. Хотя во многом это больше походило на депрессию.

–Похоже на Ван Гога. – Промолвила Лиля.

–Да, но у Ван Гога скелет курил.

Лиля прошла в комнату и села на диванчик. Он скрипнул

и получилась музыка в стиле Паганини.

–Это ванитас, – продолжил Евпольский.

–Что-то из импрессионизма?

–Нет, – он покачал головой, – барокко.

Лиля снова шмыгнула носом, после чего опустила глаза в пол. Шмыгнула она так сильно, что верхняя пуговица на кофте расстегнулась и её аристократичный бюст на пару мгновений, непродолжительных, но красочных, явился для Евпольского в полноценном созерцании.

–Что-то случилось? – Спросил Паша. Лилия застегнула пуговицу, выпрямив спину.

–Нет, всё хорошо.

–У тебя глаза красные! – Он сел рядом с ней. На нём был синеватый халат, испачканный в краске. В основном в чёрном и белом цвете.

–Немного сердце болит…, – с трудом проговорила она и вздохнула.

–Нужно к врачу. – Паша посмотрел в её глаза цвета моря, после чего перевёл взгляд на незаконченную картину.

–Наверное, нужно…

В один момент в комнате смешалась интересная палитра из чёрных, синих и белых цветов. И только в душе Лили цвет был всего лишь один: только чёрный! Никакого белого и никакого синего, только чёрный. «Суета сует и вся суета», – говорила ей бабушка, как бы цитируя Вульгату. Этого она, конечно же, не знала, но была права. Всё – это сплошная суета.

Только о ней Лиля и думала.

–Я бы чаю попил. – Сказал Евпольский.

–Наливай пока. – Ответила Лиля.

Паша в халате пошёл на кухню, а она осталась наедине с грустным скелетом и одинокой розой.

2

День Паши Евпольского значительно отличался от дня Лили. Когда она только приступила к работе, он спал. Когда она выслушивала горькие новости от Идеадулина, он спал. Паша проснулся в пол 4. Тщательно прочистил зубы, умылся, принял ванную. В тёплой воде он купался долго. Беззаботно и вальяжно.

Вода в чугунной ванне плескалась, летала, булькала и вылетала на кафель. Евпольский опускал всё своё тело под воду, оставляя на плову лишь голову. Он закрывал глаза и ни о чём не думал. Так он расслаблялся перед написанием картины. Паша был уверен, Рублёв занимался тем же самым! И пускай подобное творчество, как у Андрея, он не особо жаловал и любил, всё равно признавал Рублёва, как великого русского иконописца.

Процедуры в ванной закончились в 5. Закончились они шампунем, бритвой и гелем для бритья. После этого Паша долго смотрелся в зеркало, ощупывая глазами гладкую поверхность своего лица. Длинные чёрные волосы касалась ло-

паток. Их он всегда упаковывал в хвост, заматывая резинкой.

«Подстригись!» – Говорила ему Лиля. «Подстригусь, как только нарисую что-нибудь стоящее». – Отвечал он.

Евпольский «завтракал». Лиля оставила ему пару бутербродов с сыром. Он налил крепкий чёрный кофе и выпил его за несколько глотков. Молоко в кофе Евпольский не жаловал из принципа. Лиля обожала капучино и латте. Всегда брала себе их в «старбаксе». Паша брал только чёрный кофе, один пакетик сахара и корицу. «Зачем тебе корица?» «Она придаёт аромата!» – Отвечал он.

Правда, и к корице с сахаром со времен его интерес угас, как свечка на праздничном торте!

К живописи его приучила природа. Ни мать, ни отец, никогда не признавали увлечения сына. Мама пыталась завлечь его точными науками, покупала ему научную литературу, заставляла учить алгебру и геометрию, но он думал только о красках и мольберте. Папа показывал ему, как вбивать гвоздь в стену, как управляться с пилой и дрелью, как сдирать и клеить обои, чтобы всё получалось красиво и ровно, а он думал о Брейгеле и Брюллове.

Отец звал его на рыбалку, звал поиграть в футбол или выпить пиво, это было позже, но всё же. Звал куда угодно, лишь бы занять сына чем-то иным, мужским и взрослым. Но он всегда отказывался, ссылаясь на рисование. «Это пройдёт», – говорила мама. Не прошло.

В школе он рисовал на уроках. Вся его тетрадь по химии

была украшена в портретах, пейзажах или фанатичных изображениях человека-паука, халка или венома. Он выходил к доске и пытался быть оригинальным. Рисовал квадрат, высчитывал периметр и площадь, но делал это креативно, пририсовывая уголкам интересные узоры, ставя свои марки по краям и во всячески выделяя обычную геометрическую фигуру.

Евпольский как бы смотрел на типичные вещи под оригинальным художественным углом. Он не видел ночь, не наблюдал тёмное небо и пресные звёзды, не испытывал прострацию из-за мрачности, а наоборот, ждал наступающий рассвет, слушал пение утренних птиц и смотрел за оживающим миром посреди глухой ночной тишины.

Они гуляли с другом, и его товарищ случайно раздавил какую-то букашку на улицу. Ничего необычного. Немного крови вылилось из тела отвратной букашки и получилась картина, в которой некая сущность лежала в небольшой луже крови.

–Ой, тварь! – С отвращением проговорил его друг, внимательно рассматривающий подошву.

–Красивый фон. – Не задумываясь сказал Евпольский, смотрящий на мёртвую тушку букашки и лужицу крови взглядом истинного маньяка.

Но именно таким художник и должен быть! Как можно создать шедевр, если постоянно мучиться от чувства вины и стыда. Умер человек и умер…иногда его нужно нарисовать.

Сколько портретов мертвецов нарисовано. Сколько икон с Иисусом пылятся на полках хрущёвских квартир! Неужели их рисовали не маньяки!?

По-настоящему Паша влюбился в живопись, когда начал рисовать портреты одноклассниц. Первой его музой была Лиза Перова. Она ходила в длинных платьях, с косичками, строила из себя настоящую интеллигенцию и не верила в любовь. На тот период времени ей было 9.

Затем он рисовал лик Ани Фроловой. Ей было 11 и тогда Паша первый раз влюбился не в искусство, а в девочку. Она не была красавицей, не строила из себя интеллигенцию и не носила длинных выразительных платьев. Зато у неё была красивая улыбка и необычная для ребёнка внешность.

«Знаете в чём прелесть Джоконды?» – Спрашивал у родителей Паша. «Ты на неё смотришь и ей от тебя ничего не нужно. Тебе от неё тоже ничего не надо. Ты просто смотришь на неё и любуешься. Можешь хоть часами любоваться. Вот то же самое и с Аней».

И, действительно, миллионы людей наслаждаются Джокондой, осознавая отсутствующую у неё женскую красоту. Их цепляет другое. Нарисованная от руки внутренняя девичья харизма и благодушие. Такая же харизма и благодушие, которое было у Анечки Фроловой.

Третья любовь Паши пришлась на переходный возраст. Ему было 14, и он полюбил девочку из параллельного класса. Лена Денисова. Красивая, для своего возраста фигуристая,

с длинными волосами и со скверным характером. «Сука!» – Говорил Паша, но таким влюблённым и заворожённым голосом, что пело сердце, и танцевал мозг на могиле у разума. Любил он её недолго, зато сильно. Лене Денисовой не посчастливилось запечатлеть на холсте Евпольского. Тогда он на пару лет забыл о живописи, увлёкшись видеоиграми.

Вспоминая те отрезки времени, Паша понимает, что любовью это не было. Это был подростковый романтизм и способ пострадать. Человек вообще такое странное существо, такое неоправданно любящее страдание, что иногда становиться страшно. Если человек не страдает, он не живёт. Это, конечно, переосмысление фразы Декарта. Но в наше время она имеет более актуальный смысл, нежели цитата французского философа.

Лиля называла Пашу черепашкой. Он всё делал медленно. Ел медленно, рисовал медленно, думал медленно и даже жил как-то заторможено. Размеренный ритм его жизни совершенно не гармонировал с типологической жизнью в 21 веке. Евпольский мечтал уехать в Петербург. Смотреть в деревянное окно, наблюдать живой и активный Невский, параллельно рисуя шедевр и страдая, как положено любому уважающему себя художнику.

Также медленно он приступил к рисованию. Из шкафчика он достал чистый холст и мольберт. Покурил крепкие сигареты, наблюдая за хаотичным движением дыма. Установил холст на мольберт. Зажмурив один глаз, другим посмотрел

на свою установку и всё переставил, противным голосом воскликнув: «неровно!»

Покурив ещё раз, из всё того же шкафчика, в котором ранее его бабушка хранила сервиз, он достал палитру, кисточки, краску, один бокал для промывания кисточек и один бокал для вина. Собственно, красное вино, самоё дешёвое в «красном и белом», он вынул из-под рабочего стола.

Коснувшись кисточкой холста, Евпольский на секунду закрыл глаза, сердце его застучало, и он впал в эйфорию. Впал в такое состояние, когда кисть сама гуляет по листу, время для Паши начинает идти в другом, в своём особенном ритме. В итоге получаются две различные параллельные вселенные. В одной Паша рисует, в другой существуют все остальные люди. Такие мелочные и невзрачные для Евпольского в этот момент!

Уже вечером, когда он допивает третий бокал вина и докуривает пачку сигарет, домой приходил Лиля. В этот раз она вернулась в квартиру грустной и заплаканной. Евпольский сразу это заметил, но не стал её об этом спрашивать. Он волновался за неё, но не хотел показаться бестактным.

Наливая зелёный час в кружки, мысленно он всё ещё был у холста. Мысленно он ещё прорисовывал череп, вспоминал рисунок Ван Гога и восхищался им. Но он не срисовывал и не воровал, считая, что фраза «кради, как художник», была придумана ничтожными бездарями и ворами. Тем более, Паша вкладывал в свою картину совершенно иной смысл.

У Ван Гога – это сатира, ирония, осмеивание консервативных принципов и методов работы Академии, в которой его заставляли сначала изучить полное анатомическое строение человека, перед тем, как начать работать с живыми моделями. Евпольский видел в этом скелете себя: грустного и печального человека, который не может реализовать свои амбиции. Скелет – его тело, его нутро, умирающее от вредных привычек. Роза – последняя надежда, символ любви, любимый цветок Лили.

Наконец, он вынул чайный пакетик и выкинул его в мусорное ведро. Добавил себе две ложки сахара, Лиля пила несладкий чай. Они уселись за стол. Перед этим Лиля умылась ещё один раз, тщательно протерев глаза полотенцем.

–Ты хочешь есть? – Спросила она.

–Немного.

–Что мне приготовить?

–А какие есть варианты?

Лиля отлучилась от чая и открыла холодильник. В нём могла бы повеситься мышь, если бы небольшое количество продуктов на верхней полки.

–Могу сделать салат. Есть позавчерашняя курица.

–Давай салат и курицу! – Воскликнул он. Лиля кивнула.

После ужина они легли в кровать. Лиля взяла в руки собрание сочинений Бунина и начала читать «окаянные дни» под тусклым светом лампочки, которая изредка перегорала. Евпольский лежал вместе с ней и судорожно шевелил паль-

цами на руках.

–Ты не будешь рисовать?

–Сегодня я нарисовал всё, что хотел.

–Хорошо.

–Тебе завтра на работу? – Спросил Паша.

–…У меня выходной. – Ответила Лиля после долгой паузы.

–Мне казалось, что у тебя рабочий день.

–Идеадулин раздобрился! – Она неестественно закивала головой.

–Тебе понравилась картина?

–Необычно! – Ответила Лиля. – Но слишком мрачно.

–Понимаю. Это значит, что понравилась?

–Да! – Она улыбнулась. При улыбке, на её лице возникали милые ямочки.

Наконец Евпольский перестал судорожно шевелить пальцами и успокоился, встав ступор.

–Ты ведь из-за этого волновался?

–В каком смысле!?

–На месте усидеть не мог.

–Пожалуй. Мне очень важно твоё мнение. – Евпольский посмотрел на неё, и она вновь улыбнулась, правда, вспомнив, что она ему врёт насчёт работы, резко отвернулась в сторону, прикрыв лживые глаза цвета моря.

Они погасили свет через 30 минут. В комнате стало темно. Укрывшись двумя одеялами, они обнялись, поцеловались с

языком и отвернулись друг от друга.

3

Сегодня она проснулась чуть позже, чем обычно. Даже утренний марафон Евпольского не смог её разбудить.

За окном падал снег. На календаре красовалось 26 декабря. Это значило, что ещё всего лишь 5 дней осталось до наступления нового года. Раньше Лиля ждала новый год. Ждала его с замиранием в сердце, отсчитывала дни, часы, минуты и секунды. Представляла, как они соберутся всей семьёй и выпьют шампанское в 12 часов. Сейчас она даже запуталась во всех этих числах и днях недели. Будь то 26 число или 21, ей было всё равно.

Она проснулась и не обнаружила возле себя Пашу. Посмотрев на время, она поняла, что происходит что-то странное. Было всего 10:56. В такое время он ещё видит сновидения. Лиля надела тапочки и халат, выскочила в маленький коридор и боковым зрением увидела Евпольского в своём кабинете для рисования. Он сидел раздетый на диване и смотрел на голый холст.

Лиля поправила короткие волосы и шмыгнув носом, направилась к нему.

–Почему ты не спишь?

–Звонил Самойлов. – Проговорил он.

–Он сегодня припрётся?

–Верно.

Самойлов, Фёдор Иванович Самойлов или просто толстый кусок говна, как они называли его, был их арендодателем. Противный, душный и дотошный. Три главных качества, которыми он обладал в полной мере. Паша и Лиля сняли у него квартиру 3 года назад и трижды пожалели, что это сделали. Он часто наведывался к ним, часто доставал их и всегда требовал отдавать деньги в срок.

–У нас ведь нет денег, чтобы заплатить ему? – Спросил Паша. Он закурил сигарету.

–Деньги…, – задумчиво протянула Лиля. – У меня будет зарплата через пару дней.

–Надеюсь, он согласиться перенести срок.

–Никогда не соглашался. – Сказала она, проведя рукой по волосам.

–Я с ним поговорю. – Небольшая партия пепла упала на пол.

Весь день Евпольский просидел в кабинете. Самойлов оповестил его, что придёт ближе к вечеру. Весь день Паша смотрел на холст и что-то бормотал себе под нос, закуривая сигарету за сигаретой. Данное действие было похоже на стабильный конвейер, выпускающий упаковки с табаком на регулярной основе без каких-либо опозданий. Говорят, что Бродский курил даже на занятиях во время своего преподавания в американском университете. Паша курил всегда, делая исключения только для сна.

Лиля весь день была на кухне. Она убрала всю квартиру, разобрала вещи в ящиках и отмыла ванную. Во время утренней уборке в спальне, у неё сломалась швабра, поэтому оставшуюся часть очистки помещения пришлось выполнять руками и половой тряпкой.

Она налила чай и нарезала бутерброды с сыром.

–Ты весь день сидишь на одном месте. – Сказала она и поставила еду на столик.

–Я думаю, дорогая. – Ответил Евпольский.

–О чём можно думать столько времени?

–О картине.

–Что за картина? – Лиля улыбнулась и подсела к нему на диван. В комнате было накурено, создалась дымовая завеса. Питерский туман обрушился на кабинет Евпольского.

–Я пока не знаю, но мне кажется это будет успех! – Воскликнул он. Паша зажёг новую сигарету.

–Хватит. – Лиля слабо схватила его руку. Они встретились взглядами и выдохнули.

Евпольский потушил сигарету, не сделав и пары затяжек. Это самое грустное, что может случиться в жизни профессионального курильщика.

–Знаешь, в детстве мне нравилась одна девочка, – начал Паша. – Она была страшненькой, девочкой не от мира сего! Никто по ней не сох, никто не хотел с ней сидеть за одной партой и всё в этом духе.

Лиля внимательно слушала, попивая горячий чай.

–Но я видел в ней что-то особенное, что-то необычное. Харизма. Улыбка и загадочность. И да, я говорю о ребёнке, но это всё было присуще ей. Я её не любил, но она притягивала меня своей таинственностью и в тоже время своей открытостью. Она была настолько удивительной, что я решил её нарисовать. – Паша сделал паузу и сглотнул.

Евпольский подошёл к холсту и окинул его взглядом. Чистый холст для художника, как и чистый листок бумаги для писателя – это всегда страшно, всегда волнительно и захватывающе. Прозаик, написавший первое слово или даже первую букву, начинает пыхтеть он волнения, ведь понимает, что дал старт своему произведению. От первого слова зависит сюжет всего рассказа. Также и художник боится сделать первый мазок.

Евпольский смотрел на чистый холст и тоже боялся. Он тревожил его. Тревожит его всегда. Когда он подходит к нему, то лишь одна мысль кружится в его голове, как птица. «А если я не смогу!» Неоспоримо, подобные мысли присущи каждому творческому человеку. Правда, талантливый человек с ними справляется, а бесталанный откладывает всё на потом, так и не беря себя в руки.

–Продолжай, – наконец сказала Лиля, уставшая ждать продолжения истории.

–Да. Понимаешь, когда я рисовал её портреты, то не мог понять, чего же в ней такого особенного. Что так сильно тревожит мою душу! А потом я вдруг понял. – Евпольский об-

лизнул губы. – Я смотрел на неё и был спокоен. Я смотрел на неё и понимал, что мне больше ничего не нужно в этой жизни. Только её портрет!

–К чему ты всё это ведёшь? – Лиля вновь поправила короткие белые волосы.

–Ты не подумай…Просто я понял, что хочу нарисовать что-то подобное вновь.

–Ту девочку?

–Да, нет же! – Крикнул он. Лиля испугалась. – Прости.

Евпольский выдохнул и, дотронувшись до холста рукой, вернулся на своё место, на котором просидел весь день.

–Я хочу написать полотно, на которое люди будут смотреть. Просто смотреть. Не восхищаться, не восторгаться образом, смыслом или посылом, а просто смотреть и ничего не требовать!

Лилия окинула взглядом холст. Она всмотрелась в него так, будто на нём уже была написана картина, будто приведение Шишкина расписалось на нём, поставив подпись.

–Ты меня понимаешь? – С его лба упали капли пота.

–Понимаю. – Лиля посмотрела на него глазами, которые ничего не понимали.

Подходил вечер. Самойлов должен был явиться в ближайшее время. В честь его прихода, скрипя зубами, Лиля достала из шкафа своё фланелевое платье и туфли с выпускного. Пашу она заставила надеть пиджак с рубашкой и чёрные классические штаны. Он надевал его дважды. Первый раз на

выпуск из школы. Второй раз на похороны.

–Зачем этот маскарад, – спросил он, поправляя тугой галстук.

–Надо произвести впечатление.

–На кого? – Паша усмехнулся. – На Самойлова?

–Даже аборигена можно удивить! – Воскликнула Лиля.

–Мы покажем себя полными дураками, – бубнил он.

–Главная сила умного человека – иногда казаться полным идиотом. – Сказала она ему прямо в лицо.

–Видимо Фёдор Иванович самый умный человек на земле! – Саркастично проговорил Паша.

Снег за окном продолжал валить. Окна в квартире Евпольского замёрзли. Конденсат, скапливавшейся на окнах, падал на подоконник. Там могло образоваться небольшое море. А где море, там курорт и туристы…

Прозвучал стук в дверь. Звонок у Паши и Лили был отключён. Как и домофон.

–Кто там? – С гневной улыбкой проговорил Евпольский. Он уже начал косить под дурачка…

–Фёдор Иванович. Открывайте. – Прозвучал хриплый голос.

Самойлов прошёл в коридор. Он был весь в снегу. Старый, хриплый и надоедливый. Это было написано на его лице. Хмурые брови, поджатые губы, маленький носик и жидкие усики. Самойлов был маленького роста, толстый, непропорциональный и неровный из-за кривого позвоночника. Он

работал журналистом.

–Как у вас дела? – Прохрипел он.

–Всё хорошо! – Промяукала Лиля. Она широко улыбнулась, показав белоснежные зубы.

–Да, всё в норме. – Менее эмоционально ответил Павел.

–А, что вы при параде? Это самое, на похороны как бы идёте что ли!? – Он посмеялся.

–Вас встречаем. – Сказала Лиля, едва не закатив глаза.

–Ну, это самое, я посмотрю, как бы…ну, квартиру. Всё ли в порядке. Сами как бы понимаете. Вдруг вы, это самое, что-нибудь здесь натворили! Мля…

–Смотрите. – Евпольский провёл рукой по – пустому пространству, приглашая гостя в дом.

Самойлов снял с себя тяжеловесный пуховик и разулся. Его уши были похожи на локаторы, а глаза на аугментированные имплантаты. Он рассматривал тщательно каждую мелочь и пытался уловить каждый звук. «Вдруг крысы!»

–Грязно…, – обмолвился он.

–Я убиралась сегодня. – Сказала Лиля.

–Это самое, плохо убирались. – Он криво улыбнулся.

–Может пройдём дальше? – Евпольский сжал кулаки.

–Ну, можно, но мне нужно как бы получше осмотреться. Я знаете много кому эту квартиру сдавал раньше. И всегда, когда приходил, это самое, находил какую-нибудь пакость.

–Фёдор Иванович, мы живём у вас уже 3 года. – Строго проговорил Паша.

–Это я знаю.

–Неужели вы нам до сих пор не доверяете? – Евпольскому казалось, что галстук начинает его душить, словно «чужая рука».

–Профессия у меня такая, Павел…Никому не доверять! – Самойлов горделиво скрестил руки на груди.

Ещё 15 минут он ходил по коридору, едва перебирая тяжёлые короткие ноги. Он вздыхал, будто охлаждал внутренний процессор, кряхтел и вечно повторял «это самое».

Он походил по спальне. Проверил матрас с едким высказыванием: «вы на нём часто прыгаете?» Посмотрел на люстру и оценил состояние окон. Ему крайне не понравился конденсат на окнах. На слова Паши о том, что они в этом не виноваты, Самойлов резко сменил тему, озлобленно посмотрев на своего арендатора.

Осмотрев кухню, ванную и туалет (там он ни к чему не придрался), он зашёл в рабочий кабинет Паши. К этому моменту Евпольскому стало жарко. Он снял с себя пиджак и галстук. Лиля продолжала держаться. Натянутая улыбка не уходила с её лица, как верная собака с могилы хозяина.

–А что холст пустой? – Спросил Самойлов с улыбкой.

–Просто.

Это самое, вдохновение пропало? – Он заржал, как довольный конь.

–Вышло ради вас, – подколол его Паша. Правда, Самойлов ничего не услышал из-за своего грохота, точнее смеха.

–Ой, как бы что-то я увлёкся, – Самойлов перевёл дух. – Это самое, ты здесь аккуратно рисуй, ничего не запачкай. В этой комнате жила моя мать, она всё это ваше искусство в одном место видала как бы.

–Я подкладываю газету.

–Газеты – это хорошо. Это самое, по профессии данный факт знаю!

–В комнате всё нормально? – Лиля поправила волосы. Самойлов задумался.

–Пахнет табаком. Вы курите?

–Я курю! – Моментально ответил Паша.

–Это самое, лучше не надо. Всё пропахло.

–Ну, балкона-то нет.

–Ну, как бы, а чьи это проблемы? Мля…, – Самойлов удивился.

–Фёдор Иванович, нам нужно с вами серьёзно поговорить.

–Это самое, слушаю. – Его локаторы повернулись к Лиле.

–У меня задержали зарплату.

–Грустно, – он покивал головой.

–Пока, что мы не может заплатить вам за квартиру. Но мы обещаем, что через неделю отдадим всё с процентами. – Паша кивнул.

–Хм…, – Фёдор почесал голову. – Это самое, с процентами идея-то хорошая как бы. – Паша закатил глаза так сильно, что они едва не застряли.

–Да, с процентами. – Недовольно сказала Лиля. Она на-

деялась, что он смилостивится.

–15 процентов! – Воскликнул Самойлов. Он поковырялся в носу и вытащил из своего гнёздышка козюльку.

–Это больше, чем в банке! – Крикнул Евпольский.

–А мы не в банке, это самое. – Самойлов посмотрел на Пашу и улыбнулся. – Мля…

Наконец он ушёл. Одевался Фёдор Иванович так же долго, как и ходил по квартире. Обувание, надевание куртки и шапки он сопровождал аккомпанементом из частиц и слов паразитов.

«Сука! Сука! Сука! Какая же он сука!» – Закричал Паша после того, как Самойлов вышел за пределы квартиры. Один раз он ударил по стене, после чего скорчился от боли.

–Нужно под холодную воду. – Проговорила Лиля, стянув улыбку с лица.

–Нет, под холодную воду нужно отправить этого ублюдка.

–Сейчас не время, Паша…

–15 процентов. Охринеть.

–Да уж…, – протянула Лиля.

–Ну, у тебя ведь скоро зарплата? – Евпольский тёр свой кулак.

–Да, – Лиля отвела глаза в сторону.

Евпольский продолжил натирать свой кулак. Он посмотрел на него и увидел на нём красное пятно. «Чуть позже ещё продадим мои картины», – промолвил он с полной уверенностью в голосе.

4

Лиля захотела включить свет в ванной, чтобы умыться, но её поджидала шокирующая новость.

–Отключили свет, – промолвила она.

–Боже, – опешил Евпольский.

–Нужно заплатить. – Сказала она.

–Нужно заплатить! – Монетки зазвенели в Пашиной голове.

У них настолько часто отключали свет, воду или электричество, что большим откровением данная новость не являлась. Это то же самое, что сообщить об очередном поражении сборной России по футболу. Многие ли удивятся? Скорее всего, лишь единицы. Также и Паша. Он, конечно, огорчился, но не предал этой новости большого значения. К тому же, у него перед глазами маячила зарплата Лили. «Заплатим…заплатим!» – Думал он про себя.

27 декабря выдалось крайне скучным. Весь день Лиля лежала в постели и искала вакансии различного рода. Ключевые слова в поиске фильтра:

без образования;

опыт работы более 1 года;

в моём городе;

на полный день.

Первое время она отправляла отклики на head hunter, за-

тем перешла на авито и закончила свои поиски на сайте работа.ру. Последний агрегатор вакансий ей не понравился. Она провела на нём 5 минут и вышла.

Лили было сложно найти работу. Она ушла после 9 класса и поступила в колледж на дизайнера. Отучилась. Получила диплом. Но, к сожалению, диплом дизайнера не особо ценится у работодателей. По профессии она проработала пару месяцев, а затем её уволили. После этого Лиля Громова работала кем угодно, но только не дизайнером.

Паша дорисовал своего скелета. Ему нужно было доделать фон. На это ему потребовалось около 30 минут. После того, как картина была готова, он отошёл в сторону и, скрестив руки, начал рассматривать полотно с таким пафосом, будто созерцал «последний день Помпеи».

Конечно же, он не считал свои работы великими, но иногда считал нужным смотреть на них именно так. На самом деле, не ум, не объективность и не популярность делает продукт востребованным и успешным. За всё это отвечает «взгляд». Можно страстно посмотреть на страшную девушку, и она в один момент станет первой красавицей. Можно посмотреть на обычный булыжник так, что он в один момент покажется ярким представителем акционизма.

Ели сегодня немного. Из закромов Лиля достала макароны и тушёнку.

Перед сном Лиля хотела отдохнуть в душе. Вода была холодной. Из-за этого она сильно бесилась. Громовой нравит-

ся, когда её тело распаривается в горячей воде, когда наступает момент, кружащийся головы, когда становится невыносимо жарко и уже хочется выползти на кровать, чтобы в мгновенье уснуть.

Евпольский всегда настраивал ей воду. Она заползала в воду, а он руководил газовой колонкой, настраивая нужную температуру, иногда плюя на циферблат. Для него, так же, как и для неё, было важно, чтобы вода имела идеальную температуру для восприимчиво тела. В этом они были похожи. К тому же, таким образом, Паша заботился о ней. Он не мог допустить, чтобы Лиля мылась в неудобоваримой воде.

Лиля легла спать в гордом одиночестве. Евпольский остался работать в ночь. «У меня появилась гениальная идея!» – Воскликнул он, налив себе в бокал вино.

Лиля дочитала «Окаянные дни». Ей показалось, что это не самый удачный роман Бунина. И «Тёмные аллеи», и «Жизнь Арсеньева», ей понравились гораздо больше. Она поставила книгу в сервант. Оттуда же вынула «Услышанные молитвы» Трумена Капоте. У книги были порванные корешки, некоторые страницы пожелтели от пролитого кофе. Эту книгу ей когда-то подарил Миша Букеров, сказав, что это «настоящий шедевр американской литературы».

5

Евпольский так и не приходил в кровать. Паша заснул

прямо в кабинете на диване возле пустого холста. Сонным его нашла Лиля, которая по обыкновению в халате и тапочках шла умываться в ванную.

–Спишь? – Прошептала она.

–Сплю! – Воскликнул он.

Лиля подошла к нему и поцеловала его в лоб, ласково и горячо. Так целуют только влюблённые по уши люди.

Около мольберта Лиля увидела большой скомканный лист и зажигалку. Она выдохнула. У неё всегда были печальные мысли по – этому поводу. Лиля видела в Паше настоящего художника, а творческим людям свойственны нетривиальные решения и действия. «Сколько художников сжигали свои творения? Вдруг их сожжёт и Паша. В своей же квартире!» – Её зубы задрожали.

Через 30 минут на кухню пришёл Паша. Он тёр глаза и зевал. Лиля поставила перед ним чёрный несладкий кофе, который он выпил за несколько глотков.

–Ничего не нарисовал? – Спросила она и поправила халат. Бежевый халат, в длину чуть выше колена, 42 размера, идеально подходил к её фигуре.

–Нет. Я долго думал над идеей, вынашивал её, но так ничего и не нарисовал. – Ответил Паша. Он опустил глаза.

Лиля знала, что Паша врёт, но она ему ничего не сказала. Евпольский всегда врал в отношении своих картин. Точнее в тех случаях, когда у него чего-нибудь не получалось. Ещё никогда он не сказал ей: «У меня ничего не вышло!» Если

однажды такое произойдёт, Лиля отправиться в монастырь.

–У тебя сегодня снова выходной?

–Да.

–Хм, – усомнился он.

–Говорят о возможном карантине! – Не задумываясь, промолвила Лиля.

–Да, уж…Мне кажется, всем он уже надоел.

–Тебе-то чего, ты всё равно всегда дома сидишь!

–Это сказывается на моём эмоциональном фоне. – Проговорил он, почёсывая руки.

Сегодня она продолжила искать работу. Интересных вакансий не было, зато ей позвонили из одного места. Человек представился рекрутером.

–Меня зовут Анастасия Сергеевна.

–Здравствуйте.

–Вы откликались на нашу вакансию.

–Да, вроде да, – промолвила Лиля.

–Вам нужно пройти собеседование.

–О, хорошо. Когда нужно прийти? – Лиля взволнованно открыла шкаф и её глаза забегали в поисках нужной одежды.

–Приходить никуда не нужно, – Громова успокоилась. – Собеседование будет проходить в форме диалога по телефону. Вы уделите мне пару минут?

–Да, я готова.

–Начнём! – Проговорила она приветливо. – Сколько вам лет?

–24.

–Дети есть?

–Нет.

–Вы состоите в браке?

–Живу с молодым человеком.

–А как вы относитесь к демократии?

–Что!? – Удивилась Лиля.

–К демократии.

–…Не знаю, положительно!? – Сказала она вопросительно.

–Хорошо. Ваш молодой человек будет против, если вы будет встречаться с другими парнями?

–Это точно собеседование? – Лиля присела на диван.

–Да.

–А напомните, что за вакансия?

–Вакансия в сфере эскорта. Вы же откликались! – Анастасия злобно закашляла.

Лиля начала читать Капоте. По первым страницам у неё сложилась хорошее впечатление о книги. Интересная завязка, необычный стиль письма и лёгкая пошлость, не переходящая в крайность.

В спальню зашёл Евпольский. Он был грустным и уставшим. От него пахло «Явой».

–Давай я нарисую тебя. – Растеряно проговорил он. Евпольский выглядел поникшим.

–Нет! – Категорично ответила Лиля.

–Ты же красавица. – Парировал Паша.

–Не Джоконда и не Мадонна.

–Да, ну тебя! – Он махнул рукой и понуро отправился в свой кабинет.

Лиля поняла, что завтра она обязана признаться ему, сказать, что её уволили. Завтра – последний день. Край! Но… сутра она точно не скажет. В третий выходной Паша вряд ли поверит. В такой ситуации остаётся только шататься по улице.

6

Проводить утренний променад Лиля всё-таки не пошла. Встав с постели, она подошла к окну и увидела ужасную погоду на улице. Как будто бы небесная пушка стреляла снегом, самым большим калибром. Слякоть, лёд, рассыпанный по земле песок и жгучий холод отбили у неё все желание говорить Паше, что ей нужно идти на работу, тем более, что на работе её никто не ждал.

Она придумала план получше. План, который позволит заработать им хотя небольшие деньги и на какое-то время отвлечёт внимание Евпольского от её рабочего графика. Для Лили это было важно. Не потому, что она боялась Пашу, не потому, что он был строгим тираном, диктатором и душегубом. Она не хотела расстраивать его, не хотела сбивать его с рабочего ритма. Лиля верила в него и была убеждена, что

его «княжна Тараканова», где-то близко.

Понятное дело, что её терпение с каждым днём сходило на нет. Невозможно жить всю жизнь, погружено в веру. В веру в бога, в успех или в удачу. Её запас был огромным, она питала надежду на природный талант Евпольского и на его гений. Но, к сожалению, талант и гений не всегда приравниваются к успеху и деньгам. Зачастую, всё происходит наоборот.

Сегодня Лиля вновь зашла в кабинет Паши. На сей раз он не спал. Она видела, как он скомкивает рисунки и наброски. Видела, как он яростно выбрасывает их в мусорное ведро и находится в шатком состояние от того, чтобы не бросить в это ведро горящий окурок. Сигарету он докурил, потушил её в пепельницу и оставил окурок в ней.

–Тяжёлая ночь? – Спросила Лиля, прикрываясь халатом.

–Самую малость. – Ответил он с натянутой болезненной улыбкой. С такой же улыбкой он отвечал маме в детстве, после походов к гастроэнтерологу.

–К тебе ещё обязательно придёт муза!

Лиля представила себя в роле музы. Она, прикусывает губу, оголяет шею, малость убирает халатик в сторону, выдвигая коленку на первый фон. Её волосы, кудрявые и шелковистые, развеваются на лёгком ветру. Она подмигивает, подмигивает скорострельно. Так, что пули из её голубых глаз вылетают с бешенной скоростью и ранят всех зрителей её вызывающего портрета. Она выглядит потрясающе. Эротично, но не переходя грань. Красиво, желанно и маняще. «Лоли-

та» в первозданном виде. Эх, если бы она считала себя таковой, то непременно бы начала позировать Евпольскому прямо здесь и сейчас!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.